

Усиление трений с Россией

Первым политическим актом президента Трумэна, затрагивавшим нас, было рассмотрение польского вопроса на той стадии, на которой он находился всего за 48 часов до кончины Рузвельта. Трумэн предложил послать совместную декларацию Сталину. Конечно, документ, в котором излагалась американская позиция, вероятно, в основном уже был подготовлен государственным департаментом ко времени прихода к власти нового президента. Тем не менее достойно удивления, что Трумэн смог так быстро заняться этим вопросом, несмотря на формальности, связанные с вступлением на пост президента, и похороны своего предшественника.

Трумэн признавал, что позиция Сталина является не слишком обнадеживающей, но считал, что нам следует предпринять «еще одну попытку». Трумэн предложил просить Сталина согласиться на следующий план:

1. В Москву должны быть немедленно приглашены Берут, Осубка-Моравский, Роля-Жимерский, епископ Сапега, один видный польский деятель, который не связан с существующим варшавским правительством и должен быть предложен Сталиным, а также из Лондона — Миколайчик, Грабский и Станчик.

2. После того как приглашения будут посланы, представители Варшавы могут, если они того пожелают, приехать первыми.

3. Польские деятели должны затем выдвинуть кандидатуры других людей, находящихся в самой Польше или за границей, которых можно привлечь к участию в консультациях с таким расчетом, чтобы на переговорах были представлены все основные польские группы.

4. До консультации с польскими деятелями мы не можем связать себя обязательствами в отношении состава нового правительства национального единства и не считаем югославский прецедент применимым к Польше.

Я немедленно ответил на это важное предложение:

Премьер-министр — президенту Трумэну

15 апреля 1945 года

1. С большим удовлетворением прочитал Ваше послание № 1 и весьма благодарен за заверения в дружбе и товариществе, которые оно содержит. Со всей искренностью заверяю Вас во взаимных чувствах.

2. Я только что прочел проект совместного послания, которое Вы предлагаете направить Сталину. В принципе я полностью согла-

сен с изложенными в нем условиями. Но есть один важный момент, на который Вам укажет г-н Иден. Поскольку Вы сможете обсудить с ним текст, я уверен, что все детали можно будет уладить. Важно как можно скорее показать наше единство во взглядах и действиях. Тем временем Иден, несомненно, изложит Вам наше мнение о том, что в действительности происходит в Москве и в Варшаве. Как мне представляется, люблинское правительство остро ощущает настроения польской нации, которая, хотя и не питает враждебных чувств к России, тем не менее полна твердой решимости сохранить независимость и все с большей неприязнью взирает на временное польское правительство, по существу представляющее собой советскую марионетку. В согласии с советским правительством люблинцы пытаются сформировать правительство, опирающееся на более широкую основу. Это шаг в правильном направлении, но он не удовлетворит наших требований и не обеспечит выполнения решений Крымской конференции.

3. Надеюсь получить сегодня днем текст заявления Миколайчика, которое он намерен опубликовать в своей польской газете в Лондоне в следующий четверг. Если текст окажется удовлетворительным, мы можем передать его Сталину в понедельник по телеграфу одновременно с нашим совместным посланием или как часть этого послания.

Иден, который в тот момент находился в Вашингтоне, прислал мне на следующий день телеграмму. Он считал, что мы не можем согласиться на первое из предложений президента относительно приглашения польских руководителей в Москву для консультаций. В состав представителей из Польши должны входить люди, которые действительно имеют вес и могут говорить от имени польских партий.

Мы должны иметь право выдвинуть кандидатуры поляков из самой Польши и не можем всецело предоставить этот выбор на усмотрение русских. Если поляки из самой Польши не будут подлинно полномочными представителями народа, Миколайчик и его друзья, по мнению Идена, могут не согласиться участвовать в консультациях.

Совместное послание было отправлено 15-го в несколько измененном виде. Тем временем я добился от Миколайчика, с которым виделся в Чекерсе, следующего заявления:

Миколайчик — премьер-министру

16 апреля 1945 года

1. Я считаю, что тесная и прочная дружба с Россией является краеугольным камнем будущей польской политики в рамках более широкой дружбы Объединенных Наций.

2. Для того чтобы положить конец всяким сомнениям в отношении моей позиции, я хочу заявить, что соглашаюсь с крымским решением в отношении будущего Польши, ее суверенного независимого положения и образования временного правительства, представляющего национальное единство.

3. Я поддерживаю принятое в Крыму решение о созыве конференции руководящих польских деятелей с целью создания правительства национального единства, возможно более широко и объективно представляющего польский народ и такого, которое получит признание трех главных держав.

По получении этого заявления Сталин написал мне:

Маршал Сталин — премьер-министру

17 апреля 1945 года

Ваше послание с изложением заявления Миколайчика получил 16 апреля. Благодарю Вас за информацию.

Заявление Миколайчика представляет, конечно, большой шаг вперед, но неясно, признает ли Миколайчик также ту часть решений Крымской конференции, которая касается восточных границ Польши. Хорошо было бы, во-первых, получить полный текст заявления Миколайчика и, во-вторых, получить от Миколайчика разъяснение о том, признает ли он также ту часть решений Крымской конференции о Польше, которая касается восточных границ Польши.

Поэтому 22-го я направил Сталину открытое заявление Миколайчика, напечатанное в его газете. Заявление Миколайчика гласило:

«По требованию России три великие державы высказались в пользу установления восточной границы Польши по линии Керзона с возможными небольшими исправлениями. Моя личная точка зрения сводилась к тому, что по крайней мере Львов и нефтеносный район должны быть оставлены за Польшей. Учитывая, однако, что, во-первых, в этом отношении имеется абсолютное требование советской стороны и, во-вторых, что существование двух наших народов друг подле друга зависит от выполнения этого условия, мы, поляки, обязаны спросить себя, должны ли мы во имя так называемой целостности нашей республики отклонить его и поставить тем самым под угрозу все насущные интересы нашей страны. Ответ на этот вопрос должен быть “нет”».

Поскольку я не получил никакого ответа, можно было предполагать, что на данный момент диктатор был удовлетворен. Оставались открытыми другие вопросы, Иден телеграфировал из Вашингтона, что он и Стеттиниус договорились о возобновлении наших требований относительно допуска в Польшу наблюдателей и о необходимости снова настаивать на том,

чтобы советское правительство повременило с переговорами о договоре с люблинскими поляками. Однако вскоре после этого решения стало известно, что договор уже заключен.

* * *

На следующий день, 23 апреля, Стеттиниус и Иден в течение часа с четвертью беседовали с Молотовым по поводу Польши. Они не добились никакого успеха.

Затем Молотов коснулся договора, заключенного советским правительством с варшавской администрацией. Иден указал, что договор заключен до того, как был достигнут какой-либо прогресс в создании нового временного правительства национального единства в Польше. Молотов заявил, что он сделает все, что в его силах, но любое новое правительство должно базироваться на уже существующем правительстве и должно относиться дружелюбно к СССР. Молотов был удивлен тем, что договор может вызвать недовольство, так как он отражает попытку СССР поощрить просоветские настроения в Польше. Советы не выдвигали никаких возражений против каких-либо соглашений Англии и Соединенных Штатов с Францией или Бельгией.

Иден отметил, что наши три страны признают правительства Франции и Бельгии, тогда как у Польши существуют два правительства — одно, признанное Соединенными Штатами, нами и большей частью мира, а другое — признанное советским правительством. Заключение договора с варшавским правительством, которое мы и американцы не признаем, дело совершенно другое и заставляет людей думать, что советское правительство удовлетворено польским правительством в его нынешнем виде. Стеттиниус согласился с этим.

Молотов возразил, что Соединенные Штаты и Англия не являются соседями Польши и могут позволить себе отложить решения, но Россия должна заключать договоры без задержек, чтобы содействовать борьбе против Германии.

«У меня создалось очень плохое впечатление, — писал мне Иден, — от сегодняшней вечерней встречи с г-ном Молотовым. Я не заметил каких-либо признаков того, что вашему совместному с президентом заявлению было уделено сколько-нибудь серьезное внимание. Если русские не согласятся работать вместе с нами и американцами на основе ялтинских решений, то не будет единства трех держав, которое могло бы послужить основой для Сан-Франциско».

Я ответил 24-го: «Добиваясь, как я это делаю, прочной дружбы с русским народом, я вместе с тем уверен, что она может основываться только на признании русскими англо-американской силы. Я с удовольствием отмечаю, что новый президент не позволит Советам запугать себя».

В тот же день я написал Сталину:

Премьер-министр — маршалу Сталину

24 апреля 1945 года

Я видел послание относительно Польши, которое было вручено президентом г-ну Молотову для передачи Вам, и в связи с его особой важностью я консультировался с Военным кабинетом. Мой долг теперь — информировать Вас о том, что мы полностью поддерживаем президента в вышеуказанном послании. Я искренне надеюсь, что будут найдены средства уладить серьезные трудности, которые, если они будут продолжаться, омрачат час победы.

Суть ответа Сталина сводилась к тому, что мы рассматриваем временное польское правительство не как ядро будущего польского правительства национального единства, а просто как одну из нескольких групп, равную любой другой группе поляков. Это не соответствует решениям, принятым в Ялте. «Там, — утверждал Сталин, — мы все трое, включая президента Рузвельта, исходили из предпосылки, что временное польское правительство, действующее в настоящий момент в Польше и пользующееся доверием и поддержкой большинства польского народа, должно служить ядром, т. е. основной частью нового реорганизованного правительства национального единства.

Вы, очевидно, не согласны с таким толкованием этого вопроса. Отказываясь взять югославский прецедент за образец для Польши, вы подтверждаете, что временное польское правительство нельзя рассматривать как основу, как ядро будущего правительства национального единства».

Сталин утверждал также, что у Польши, в отличие от Англии и Соединенных Штатов, имеются общие границы с Советским Союзом. Ее безопасность имеет для России такое же важное значение, как безопасность Бельгии и Греции для Англии. Советский Союз имеет право добиваться дружественного правительства в Польше и никогда не сможет одобрить существование враждебного правительства. «Нас к этому обязывает, — писал он, — помимо всего прочего, кровь советского народа, обильно пролитая на полях Польши во имя ее освобождения. Я не знаю, было ли создано в Греции подлинно представительное правительство и является ли правительство Бельгии действительно демократическим». С Советским Союзом не советовались при создании этих правительств, и он не претендовал на право вмешиваться, «ибо понимает все значение Бельгии и Греции для безопасности Великобритании». Если бы Соединенные Штаты и Англия договорились заранее о Польше, в которой СССР особенно заинтересован, то это поставило бы СССР в нетерпимое положение. Сталин поблагодарил меня за пересылку заявления Миколайчика

по поводу восточных границ Польши и обещал посоветовать временному польскому правительству отказаться от своих возражений против приглашения его для консультаций. «Все, что требуется сейчас, — писал в заключение Сталин, — это принять югославский прецедент за образец для Польши».

29 апреля я изложил все дело Сталину:

Премьер-министр — маршалу Сталину

29 апреля 1945 года

...Вы говорите о принятии «югославского прецедента в качестве образца для Польши» ... Я должен сразу сказать Вам, что эти два случая совершенно различны. В случае с Польшей три державы договорились относительно того, какие меры мы должны принять для организации нового правительства. Это должно быть сделано посредством консультаций в присутствии комиссии между представителями правительства Берута и польскими демократическими деятелями из Польши и из-за границы. В случае с Югославией не было ничего похожего...

...Я не высказывал каких-либо жалоб или комментариев относительно всего этого и как в Ялте, так и в других случаях молчаливо соглашался с решением, которое было достигнуто в Югославии. Я не выражаю недовольства и сейчас любой акцией, предпринятой Вами в Югославии, несмотря на все мои опасения, и надеюсь, что все пройдет гладко и сделает югославов процветающим и свободным народом, дружественным как в отношении России, так и в отношении нас самих.

...Мы не могли бы, однако, принять «югославский пример» в качестве руководящего принципа в отношении того, что должно произойти в Польше. Ни мы, ни американцы не имеем каких-либо военных или особых интересов в Польше. Все, к чему мы стремимся в материальных вопросах, должно быть рассмотрено соответствующим образом между дружественными государствами. Все мы здесь потрясены тем, что Вы предположили, что мы могли бы работать над созданием польского правительства, враждебного СССР. Это прямо противоположно нашей политике. Но ведь Польша была страной, из-за которой в 1939 году англичане вступили в войну с Германией.

Обращение нацистов с Польшей для нас символизировало гитлеровскую низость и низменную страсть к завоеваниям, к порабощению, и вторжение Гитлера в Польшу послужило искрой, которая привела к взрыву. Британский народ вступает в войны не по расчету, как это иногда думают, а побуждаемый чувством. Британский народ чувствовал — и это чувство возросло с годами, — что Гитлер со всеми своими посягательствами, проводя подготовку к войне, представлял угрозу

для нашей страны и для свобод, которые мы ценим в Европе, и когда после Мюнхена он нарушил свое слово в отношении Чехословакии, то даже крайне миролюбивый Чемберлен дал Польше наши гарантии против Гитлера. Когда же германское вторжение в Польшу повлекло за собой выполнение этих гарантий, весь народ вступил в войну против Гитлера, хотя мы были неподготовленными. В сердцах людей зажегся огонь, подобный тому, которым был объят Ваш народ в благородной защите своей страны от вероломного, жестокого и — как это одно время казалось — почти сокрушительного германского нападения...

...Что касается Вашей ссылки на Грецию и Бельгию, то я признаю соображение, которое Вы мне высказали, когда мы должны были вмешаться крупными вооруженными силами для подавления атаки ЭАМ — ЭЛАС против правительственного центра в Афинах. Мы неоднократно давали указания о том, чтобы Ваши интересы в Румынии и Болгарии признавались преобладающими. Однако мы не можем быть полностью вытеснены из этих стран и не хотим, чтобы там обращение Ваших подчиненных с нами столь отличалось от любезного обращения, которое Вы неизменно оказываете нам, занимающим высокие посты. В Греции мы ищем только ее дружбы, которая связывает нас много лет, и хотим лишь ее независимости и целостности. Однако мы не намерены пытаться решить, должна ли она быть монархией или республикой. Нашей единственной политикой в Греции является восстановление нормального положения вещей как можно скорее и проведение справедливых и свободных выборов, которые, я надеюсь, будут проведены в течение последующих четырех или пяти месяцев. Эти выборы должны определить режим, а позже — конституцию. Должна преобладать воля народа, выраженная в условиях свободы при наличии всеобщего избирательного права. Это является нашим коренным принципом. Если бы греки захотели республику, то это не повлияло бы на наши отношения с ними. Мы используем наше влияние на греческое правительство, чтобы пригласить русских представителей прийти и свободно посмотреть, что происходит в Греции, а на выборах, как я надеюсь, должны быть русские, американские и британские уполномоченные, которые повсюду в стране могли бы в деталях убедиться в отсутствии запугивания или других нарушений свободы народа делать выбор между различными борющимися партиями. После этого, пожалуй, можно было бы считать, что наша работа в Греции завершена.

...Что касается Бельгии, то мы не выдвигаем никаких условий, хотя, естественно, мы были бы обеспокоены, если бы она начала возводить установки для ракетных снарядов и т. п., направленные против нас, и мы надеемся, что какую бы форму правления бельгийцы ни приняли народным решением, они войдут в общую оборонительную систему,

имеющую своей целью предотвращение германского удара на Запад. Бельгия, так же как и Польша, является театром войны и коридором коммуникаций, и каждый должен признать силу этих факторов, без которых великие армии не могут действовать.

...Относительно Польши мы с американцами достигли определенной линии действия. Конечно, это является результатом того, что между нами, естественно, существует согласие по этому вопросу и мы искренне считаем, что с нами довольно плохо обращались, поскольку речь идет о том, каким образом это дело велось после Крымской конференции. Несомненно, эти дела выглядят иначе, когда на них смотрят с противоположной точки зрения. Однако мы абсолютно согласны с тем, что обязательства, которые мы дали в отношении суверенной, свободной, независимой Польши, имеющей правительство, полностью и надлежащим образом представляющее все демократические элементы среди поляков, являются для нас делом долга и чести. Я не думаю, чтобы имелся хотя бы незначительный шанс на какое-либо изменение в позициях двух наших держав, и когда между нами согласие, то мы обязаны об этом открыто заявить. В конце концов мы солидаризировались с Вами в значительной степени по моей инициативе в начале 1944 года, объявив о желательной для Вас польско-русской границе, именно о линии Керзона, включая передачу Львова России. Мы думаем, что Вам следовало бы пойти нам навстречу в отношении другой части политики, которую Вы наравне с нами провозгласили, а именно: суверенитет, независимость и свобода Польши при условии, что Польша будет дружественной по отношению к России. Поэтому правительство Его Величества не может допустить создания правительства по типу югославского, в котором приходилось бы четыре представителя нынешнего варшавского временного правительства на каждого представителя от других демократических элементов. В правительстве должно быть надлежащее равновесие и соответствующее распределение важных постов...

...В настоящий момент возникают также трудности из-за разного рода слухов, исходящих из Польши, относительно которых г-н Молотов совершенно не удовлетворяет нас информацией, несмотря на неоднократные запросы. К этим слухам живо прислушиваются многие члены парламента, и вопрос о них в любое время может быть с шумом поднят в парламенте или в прессе вопреки тому, что я осуждаю такие действия. **Например, идут разговоры о 15 поляках, которые, как указывают, встретились с русскими властями для переговоров свыше четырех недель тому назад... Имеются сообщения о депортациях и т. п.*** Как я могу опровергать такие слухи, когда Вы мне не даете

* Выделено мной.

никакой информации и когда ни мне, ни американцам не разрешается послать кого-либо в Польшу с тем, чтобы можно было самим установить истинное положение дел. Нет ни одной части оккупированной или освобожденной нами территории, куда бы Вы не могли свободно посылать делегаций, и люди не могут понять, почему Вы возражаете против аналогичных визитов британских делегаций в освобожденные Вами иностранные государства...

...Я надеюсь, что в этом излиянии моей души перед Вами нет ни слова, ни фразы, которые нечаянно нанесли бы обиду. Если это так, то дайте мне знать. Но прошу Вас, мой друг Сталин, не недооценивайте расхождений, намечающихся по вопросам, которые могут Вам показаться маловажными для нас, но которые символизируют мировоззрение демократических народов, говорящих на английском языке.

Необходимо рассказать о случае с 15 поляками, упомянутом в моей телеграмме, хотя для этого нам придется несколько забежать вперед. В начале марта 1945 года русская политическая полиция предложила польскому подпольному движению прислать в Москву делегацию для обсуждения вопроса о создании объединенного польского правительства на основе ялтинского соглашения. За этим последовала письменная гарантия личной безопасности. Предполагалось, что если переговоры окажутся успешными, эта группа получит потом разрешение поехать в Лондон для переговоров с польским правительством в эмиграции. 27 марта командующий подпольной армией генерал Леопольд Окулицкий — преемник генерала Бур-Комаровского — и два других лидера встретились в предместье Варшавы с советским представителем. На следующий день к ним присоединилось 11 деятелей, представлявших главные политические партии Польши. С этого свидания никто не вернулся. 6 апреля польское эмигрантское правительство опубликовало в Лондоне заявление с кратким описанием этого зловещего инцидента. Самые ценные представители польского подполья бесследно исчезли, несмотря на то что русские официально гарантировали им безопасность. Лишь 4 мая Молотов признал в Сан-Франциско, что эти люди задержаны в России. На следующий день официальное русское информационное агентство заявило, что они ждут суда по обвинению в «диверсионных действиях в тылу Красной Армии».

18 мая Сталин открыто опроверг сообщения, что арестованные польские деятели были когда-либо приглашены в Москву, и заявил, что они являются простыми «диверсантами», с которыми поступят в соответствии с законом, «аналогичным английскому закону об охране государства». Советское правительство отказывалось отойти от этой позиции. О попавшихся в ловушку жертвах не было ничего слышно до 18 июня, когда по их делу начался процесс.

Этот процесс был проведен в обычном коммунистическом стиле: арестованных обвиняли в подрывной деятельности, терроре и шпионаже, и все обвиняемые, за исключением одного, полностью или частично признали правильность предъявленных им обвинений. Тринадцать обвиняемых были признаны виновными и приговорены к различным срокам тюремного заключения — от 4 месяцев до 10 лет. Трое были оправданы. Это фактически представляло собой ликвидацию с помощью судейской процедуры руководящего состава польского подпольного движения, которое так героически боролось против Гитлера. Рядовые члены этого движения еще до этого погибли в развалинах Варшавы.

От Сталина я получил весьма обескураживающий ответ на свое пространное послание от 29 апреля.

Маршал Сталин — премьер-министру

5 мая 1945 года

Ваше послание от 28 апреля по польскому вопросу получил. Должен сказать, что я не могу согласиться с Вашими доводами, которые Вы приводите в обоснование своей позиции.

1. Предложение признать югославский пример за образец для Польши Вы склонны рассматривать как отказ от согласованной между нами процедуры создания польского правительства национального единства. С этим нельзя согласиться. Югославский пример, по-моему, важен раньше всего тем, что он показывает путь наиболее целесообразного и практического решения вопроса об образовании нового объединенного правительства, когда в качестве базы для этого берется правительственный орган, осуществляющий в стране государственную власть. Вполне понятно, что без того, чтобы действующее ныне в Польше временное правительство, опирающееся на поддержку и доверие большинства польского народа, было принято за основу будущего правительства национального единства, нет возможности рассчитывать на успешное решение задачи, поставленной перед нами Крымской конференцией.

2. Я не вижу возможности присоединиться к Вашим соображениям относительно Греции в той части, где Вы предлагаете установить контроль трех держав над выборами. Такой контроль в отношении народа союзного государства нельзя было бы рассматривать иначе, как оскорбление этого народа и грубое вмешательство в его внутреннюю жизнь. Такой контроль является излишним в отношении бывших государств-сателлитов, объявивших потом войну Германии и ставших на сторону союзников, как это доказал опыт проведения выборов, например, в Финляндии, где выборы прошли без постороннего вмешательства и дали положительные результаты.

Ваши замечания о Бельгии и Польше, как театрах войны и коридорах коммуникаций, совершенно справедливы. Что касается Польши, то эта ее особенность, как соседнего Советскому Союзу государства, и требует, чтобы будущее польское правительство на деле стремилось к дружественным отношениям между Польшей и СССР, что в интересах также и всех других свобододолюбивых народов.

Это обстоятельство также говорит в пользу югославского примера. Объединенные нации заинтересованы в прочной и постоянной дружбе СССР и Польши. Мы не можем поэтому удовлетвориться тем, чтобы к делу образования будущего польского правительства были привлечены люди, которые, по Вашим словам, «не являются решительно настроенными против русских», или чтобы от такого участия были устранены лишь те, которые, по Вашему мнению, являются «лицами крайне недружелюбными по отношению к России». Оба эти критерия нас не могут удовлетворить. Мы настаиваем и будем настаивать на том, чтобы к консультации об образовании будущего польского правительства были привлечены лишь те, кто на деле доказал свое дружественное отношение к Советскому Союзу, кто честно и искренне готов сотрудничать с советским государством.

3. Я должен особо остановиться на пункте 11 Вашего послания, где говорится о трудностях, возникающих в результате слухов об аресте 15 поляков, о депортациях и т. д.

Могу сообщить Вам по этому поводу, что упоминаемая Вами группа поляков состоит не из 15, а из 16 человек. Эту группу возглавляет известный польский генерал Окулицкий. Об этом польском генерале, который также «исчез» вместе с 15 другими «исчезнувшими» поляками, английская информация намеренно умалчивает, ввиду ее особенной одиозности. Но мы не намерены умалчивать об этом. Эта группа в 16 человек во главе с генералом Окулицким арестована военными властями советского фронта и находится под следствием в Москве. Группа генерала Окулицкого, и прежде всего сам генерал Окулицкий, обвиняются в подготовке и совершении диверсионных актов в тылу Красной Армии, жертвой которых оказалось свыше ста бойцов и офицеров Красной Армии, а также обвиняются в содержании нелегальных радиопередаточных станций в тылу наших войск, что запрещено законом. Все они или часть из них, в зависимости от результатов следствия, будут преданы суду. Так приходится Красной Армии защищать свои части и свой тыл от диверсантов и нарушителей порядка.

Английская информация распространяет слухи об убийствах или расстреле поляков в Седльце. Это сообщение английской информации выдуманно от начала до конца и, видимо, подброшено ей агентами Арцишевского*.

* Премьер-министр польского эмигрантского правительства.

4. Как видно из Вашего послания, Вы не согласны считаться с временным польским правительством как с основой будущего правительства национального единства и не согласны отвести ему в этом правительстве то место, которое оно должно занять по праву. Должен откровенно сказать, что подобная позиция исключает возможность согласованного решения по польскому вопросу.

Я передал содержание этого грозного послания президенту Трумэну со следующими комментариями:

Премьер-министр — президенту Трумэну

6 мая 1945 года.

Мне кажется, что дальнейшая переписка по этим вопросам ничего не даст, и надо как можно скорее организовать встречу трех глав правительств. Тем временем мы должны твердо удерживать позиции, которых добились или добиваются наши армии в Югославии, Австрии, Чехословакии, на главном, центральном американском фронте и на английском фронте, простирающемся до Любека, включая Данию. В ближайшие несколько дней у обеих армий будет полно хлопот с военнопленными, и мы надеемся, что празднование победы в Европе также займет внимание общественности внутри страны. После этого я считаю, что мы должны самым серьезным образом обдумать наше отношение к Советам и показать им, что мы можем предложить и что мы можем придержать.*

В письме Идену от 4 мая я постарался охарактеризовать положение в Европе так, как оно мне представлялось. Иден находился на конференции в Сан-Франциско, где ежедневно встречался со Стеттиниусом и Молотовым, и вскоре должен был еще раз посетить президента в Вашингтоне.

Премьер-министр — министру иностранных дел, Сан-Франциско

4 мая 1945 года

1. Я считаю, что польский тупик сейчас, вероятно, можно ликвидировать только на совещании трех глав правительств, созданном в каком-нибудь неразрушенном городе Германии, если такой можно найти. Совещание должно состояться не позднее начала июля. Я хочу послать президенту Трумэну телеграмму с предложением приехать сюда и в дальнейшем организовать крайне необходимую встречу глав трех великих держав.

* Выделено мной.

2. Польскую проблему, возможно, окажется легче урегулировать, если рассматривать ее в соотношении с многочисленными чрезвычайно серьезными вопросами, требующими срочного разрешения с русскими. Я опасаясь, что во время наступления русских через Германию к Эльбе произошли ужасные вещи. Предполагаемый отвод американской армии на оккупационные линии, о которых мы договорились с русскими и американцами в Квебеке (на изучавшихся нами картах эти линии были отмечены желтой краской), означал бы распространение русского господства еще на 120 миль на фронте протяжением 300—400 миль. Это было бы одним из самых прискорбных событий в истории. Когда все это окончится и территория будет оккупирована русскими, Польша окажется полностью поглощенной, похороненной в глубине оккупированных русскими территорий. Линия фактической границы России пройдет от Нордкапа в Норвегии вдоль финско-шведской границы, через Балтику до пункта к востоку от Любека, вдоль нынешней согласованной линии оккупации и вдоль границы с Баварией до Чехословакии к границам Австрии, которая номинально должна находиться под четырехсторонней оккупацией, и через эту страну до реки Изонцо, за пределами которой Тито и Россия будут требовать все, что расположено восточнее. Таким образом, территории, находящиеся под контролем России, охватят балтийские провинции, всю Германию до оккупационной линии, всю Чехословакию, значительную часть Австрии, всю Югославию, Венгрию, Румынию и Болгарию и, наконец, дойдут до Греции, которая находится сейчас в ослабленном состоянии. Это будет включать все крупные столицы Средней Европы, в том числе Берлин, Вену, Будапешт, Белград, Бухарест и Софию. Несомненно, немедленно встанет вопрос и о положении Турции и Константинополя.

3. Главным державам пора совместно изучить эти огромные вопросы в их совокупности. У нашей стороны есть несколько крупных козырей, которые могут нам помочь добиться мирного урегулирования. Во-первых, союзники не должны отступать со своих нынешних позиций к оккупационным линиям до тех пор, пока мы не будем удовлетворены в отношении Польши, а также в отношении временного характера оккупации Россией Германии и условий, которые будут установлены в русифицированных или контролируемых русскими странах в долине Дуная, в частности в Австрии и Чехословакии, а также на Балканах. Во-вторых, в порядке общего урегулирования мы, возможно, сможем удовлетворить их в отношении выходов из Черного и Балтийского морей. Все эти вопросы могут быть урегулированы только до того, как американские армии в Европе будут ослаблены. Если они не будут урегулированы до отвода американских армий из Европы и до того, как западный мир свернет свои военные машины, нельзя будет рассчитывать на удовлетворительное разрешение проблем и перспективы

предотвращения Третьей мировой войны окажутся весьма слабыми. Сейчас мы должны возлагать надежды именно на быстрое объяснение и урегулирование с Россией. А пока я против какого-либо ослабления наших требований к России в отношении Польши.